

УДК 94(420).07+929

«ВЕЛИЧАЙШИЙ ДЕНДИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ» ДЖ. Б. БРАММЕЛЛ НА СТРАНИЦАХ ВИКТОРИАНСКОЙ ПРЕССЫ

М.А. Карпужина

Саратовский государственный университет
E-mail: karpuhinama@inbox.ru

В статье рассматривается отражение жизненного пути известного английского денди начала XIX в. Дж. Браммелла в викторианских периодических изданиях. Работа построена на журнальных рецензиях в периодике разной направленности, опубликованных в связи с изданием полной биографии Дж. Браммелла в 1844 году.

Ключевые слова: история Великобритании, викторианская Англия, Дж. Браммелл, регентство, У. Джессе, периодика, денди, Блэквуд Эдинбург Мэгэзин, Дублин Ревью.

«The Greatest Dandy of his Times» G.B. Brummell in Victorian Periodicals

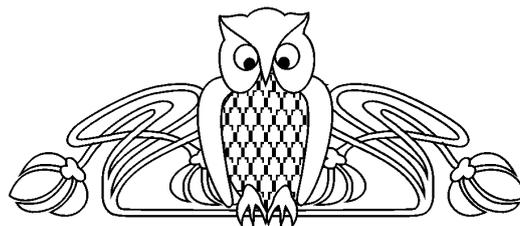
М.А. Карпужина

The author in the article explores the reflection of the course of life of famous English dandy in the beginning of the XIX century G. Brummell in Victorian periodicals. The article is based on the reviews in various periodicals, which were published after the full biography of G. Brummell had been printed in 1844.

Key words: history of Great Britain, Victorian England, Regency, G. Brummell, W. Jesse, periodicals, dandy, Blackwood's Edinburgh Magazine, Dublin Review.

Споры о роли и предназначении средств массовой информации в общественной и в политической жизни ведутся уже не первое столетие. И если в настоящее время основные страхи и опасения большей части человечества связаны с массовыми электронными СМИ, то в XIX в. примерно похожие чувства англичане испытывали по отношению к печатной продукции¹. Превращение периодической индустрии в «литературную Нижнюю империю»² в эпоху торжества печатного слова выразилось в колоссальном культурном влиянии, которое периодика имела и как основной источник научной, экономической и политической информации, и как арбитр литературного и художественного вкуса³.

В эпоху романтизма в Великобритании произошло распределение людей на сообщества, принадлежность к которым определялась религиозными, экономическими, идеологическими, интеллектуальными или эстетическими убеждениями. Для того чтобы эта система была жизнеспособна, должен был существовать механизм создания и поддержки энтузиазма в любой такой группе, объединенной общими идеалами, а также механизм демонизации их оппонентов⁴. Одним

из таких механизмов была периодическая печать. При этом, если периодика середины XVIII в. была в достаточной степени изысканной, эклектичной и ориентированной преимущественно на мужчин среднего и высшего класса, то к началу XIX в. ситуация в корне изменилась, и в Британии появилось то, что современные исследователи СМИ называют «нишами» в периодической печати. Это означало серьезную специализацию периодических изданий. В первой четверти XIX в. появились солидные обозрения, причем ведущие обозрения обладали явной партийной направленностью, а также несколько изданий, адресованных менее широким слоям общества, но также имеющие свою аудиторию. Далее речь пойдет о двух таких изданиях, которые, будучи ориентированы на абсолютно разных читателей, в одно и то же время опубликовали рецензии на только что вышедшую в свет биографию Дж. Б. Браммелла, «величайшего денди своего времени и всех других времен»⁵.

Плод долгого труда британского капитана в отставке Уильяма Джессе, «Жизнь Джорджа Браммелла, эсквайра»⁶, был издан в двух томах в 1844 г., спустя четыре года после смерти самого Браммелла во Франции. Джессе работал над этой книгой в течение долгого времени и был знаком с Браммеллом лично, правда, уже в то время, когда великосветский образ жизни блистательного денди был далеко в прошлом, и Браммелл жил в бедности во Франции. Книга написана с необыкновенной теплотой и восхищением, однако нельзя не заметить нравоучительные интонации в описаниях последних лет жизни Браммелла во Франции: все-таки его поведение и образ жизни в молодости не совсем соответствовали представлениям почтенного капитана о «соответствующем поведении». Нужно отметить, что смерть Браммелла в 1840 г. оказалась практически незамеченной в Англии – к этому времени он уже более тридцати лет жил фактически в изгнании на континенте – но издание его биографии тем не менее привлекло внимание общественности, и два британских периодических издания посчитали необходимым высказаться на этот счет. В 1844 г. в июньском выпуске журнала «Блэквудс Эдинбург Мэгэзин» появляется анонимная статья под названием «Красавчик Браммелл»⁷, а в октябре того же года в «Дублин Ревью» выходит также анонимная рецензия «“Жизнь Джорджа Браммелла, эсквайра”, написанная капитаном Джессе»⁸.

Перед тем как обратиться к тексту рецензий, необходимо сказать несколько слов о самих

журналах. «Блэквудс Эдинбург Мэгэзин» был одним из тех журналов, которые появлялись на базе книгоиздательского дела, и его создатель Уильям Блэквуд сумел привлечь к работе в журнале известнейших англоязычных писателей (в разное время в журнале публиковались сочинения В. Скотта, Дж. Элиота, Э. Треллопа, Т. Куинси и многих других). Журнал Блэквуда поддерживал партию тори, но при этом он был гораздо менее тяжеловесен и серьезен, чем торийское «Ежеквартальное обозрение», и имел очень широкий круг читателей, которые всегда знали, что на страницах журнала найдут статьи с консервативным оттенком и интересную художественную литературу. Очень быстро этот ежемесячный журнал обрел широкую, хотя и немного скандальную известность⁹. «Наш журнал на протяжении ста лет поддерживал два знамени: здоровую критику и политику тори»¹⁰, как было сказано в ретроспективной статье, посвященной столетию журнала, и, хотя первое утверждение часто становилось камнем преткновения, второе не вызывало у читающей публики ни малейших сомнений на протяжении всей истории существования журнала. Э.А. По в своих рассказах¹¹ откровенно пародировал эмоциональность и вычурность, которые вполне можно назвать отличительным стилем издания. Таким образом, выбор книги Джессе о «первом денди в истории» в качестве объекта рецензии был вполне в общем русле публикации.

Совершенно иным по сути изданием было Дублинское обозрение. После того как католики приняли участие в парламентских выборах в 1832 г., католицизм сам по себе получил в Англии некий импульс к развитию, и в 1836 г. ректор Английского колледжа в Риме Николас Вайсмен основал новый католический журнал. Несмотря на то что в названии обозрения содержится слово «Дублин», оно издавалось в Лондоне и было ориентировано на английских читателей¹². Есть основания считать, что выбор такого названия обусловлен желанием создать противовес эдинбургским журналам. Вайсмен сознательно не стал включать в название прилагательное «католический», опасаясь как бурных общественных дебатов по этому поводу, так и обретения чересчур рьяных приверженцев¹³. У Дублинского обозрения не было определенной политической линии и богатых покровителей, кроме того, тот факт, что выходило оно раз в квартал не всегда позволял изданию своевременно давать характеристику актуальным событиям или явлениям. Тем не менее в 1830–1850-е гг. именно это издание было центральным голосом католицизма в Англии¹⁴.

Денди Дж. Браммелл был антигероем для викторианского католицизма, и как собственно «великосветский бездельник», и как один из наиболее ярких представителей высшего общества периода Регентства, который оценивался крайне отрицательно: «Строгие добродетели домашней жизни делали беззащитными тех, кто их при-

держивался, объектами для насмешек и издевок придворных, которые обладали нравами своего правителя. Небрежность в платье была непростительным проступком, в то время как своего рода добродетелью считался уход от жены; первое могло стать преградой к вступлению в общество, второе – достаточной рекомендацией»¹⁵.

В обеих статьях достаточно полно представлена линия жизни Дж. Браммелла: его незнатное происхождение, годы обучения в Итоне и несколько месяцев в Оксфорде, служба в Х Гвардейском полку, успех в лондонском великосветском обществе, дружба и ссора с принцем Уэльским Георгом, побег от кредиторов во Францию и довольно тяжелая жизнь в Кале, несостоявшаяся встреча с Георгом IV, который проездом был в Кале, и трагичные последние годы жизни, которые в итоге завершились сумасшедшим домом.

Однако стиль изложения материала абсолютно разный. В журнале Блэквуда общий тон статьи очень легкий, кроме того, в текст включены несколько интересных отступлений: рассказ о величайших щеголях предыдущих эпох, начиная с приближенных Карла II¹⁶, который отчасти повторяет вступление книги Джессе – Браммелл при этом является их логичным продолжением и также одним из тех людей, которые создавали свою эпоху¹⁷, рассуждения автора о природе моды: «Мода вступает в полную силу по мере того, как она становится более смехотворной. Люди держатся за моду по той же причине, по которой они держат ручных обезьянок – за обезображивание»¹⁸. Кроме того, автору статьи нельзя отказать в определенном чувстве юмора, когда он сравнивает вынужденное изгнание Браммелла с ссылкой Овидия во Фракию¹⁹. Но при этом автор касается и некоторых социальных проблем: «Если бы можно было перевести в денежный эквивалент те суммы, время и здоровье, которые англичане тратили на нюхательный табак, то итоговая цифра была бы равна национальному долгу Англии»²⁰.

Статья в Дублинском обозрении лишена стилистических украшений и дополнительный сведений, но при этом полна нравоучительных отступлений. Автор сравнил прошедшую эпоху с эпохой настоящей: «Во времена Браммелла одежда выравнивала различия происхождения, как сейчас это может сделать образование»²¹, дал некоторые наставления католической молодежи, читающей журнал: «Мораль, которую можно извлечь из этой истории, лежит на поверхности. <...> ... Множество молодых людей, вступающих в эту жизнь с хорошими перспективами, могут подвергнуться соблазну развлечений в светском обществе, как это случилось с Браммеллом. <...> Пусть эта страница попадет им на глаза, и они вспомнят жалкого и грязного человека, который когда-то был блистательным и остроумным Браммеллом, и к тому же пусть они вспомнят, что он умер в сумасшедшем доме»²². И даже тот факт, что после его смерти в свертке с письмами, аккуратно

перевязанными разноцветными лентами, нашли также множество локонов, расценивается как доказательство его тщеславия и глупости²³. Во время чтения этой статьи возникает ощущение, что автору хотелось как можно быстрее ее закончить, и его единственный мотив – это воспитательный эффект, который статья должна произвести на молодое поколение: «Сейчас мы быстро представим нашим читателям краткое описание жизни Браммелла. Если читать его в соответствующем настроении, оно послужит уроком для наиболее беспечных, и, вкуче с предложенными рассуждениями, несомненно, даст хороший результат»²⁴.

Следуя за событиями в жизни Браммелла, в обеих статьях авторы отметили тот факт, что после Итона Браммелл отправился в Оксфорд, и в 1793 году занял второе место в конкурсе стихов²⁵. Автор статьи в Дублинском обозрении оценивает это как один из серьезнейших факторов, повлиявших на всю дальнейшую жизнь Браммелла: «если бы его ждал успех, кто знает, как бы сложилась его дальнейшая судьба! <...> но он проиграл соревнование и обратился к пустячным знаниям, вместо того, чтобы ходить сложными путями науки и литературы»²⁶. В статье в журнале Блэквуда также отмечалось его участие в этом конкурсе, но при этом автор добавил, что «нарушение им правил колледжа было систематическим и циничным. Браммелл был автором половины эпиграмм, запустил дрессированную галку во двор, чтобы подразнить наставника, и относился ко всем вышестоящим с чрезвычайным презрением»²⁷, то есть никаких иллюзий на тот счет, что Браммелл мог стать в жизни «полезным членом общества», автор не испытывал.

Служба Браммелла в 10-м драгунском полку оценивалась одинаково – перед Браммеллом открывались великолепные возможности в силу его дружбы с принцем-регентом, в командовании которого находился этот полк, а также множества итонских, оксфордских и армейских знакомств. «За годы службы Браммелл поднялся до звания капитана, несомненно, через головы многих трудолюбивых и внимательных офицеров»²⁸, – действительно, небрежность Браммелла по отношению к своим служебным обязанностям стала предметом анекдотов, которые, однако, его приятели с удовольствием пересказывали друг другу (некоторые из них приводятся в статье в журнале Блэквуда). Особое расположение принца и в общем-то несложные обязанности делали службу необременительной для Браммелла, тем не менее в 1798 г. он подал в отставку, о чем также говорилось в обеих статьях: полк переводили в Манчестер, и Браммелл не захотел оставлять Лондон²⁹. В журнале Блэквуда его отставка объяснялась «абсолютным отвращением к любому виду деятельности, которое одно могло побудить его бросить примечательные преимущества своего положения»³⁰. Таким образом, к 21-му году жизни Браммелл, по мнению авторов обеих статей, со-

знательно лишил себя возможности сделать блестящую карьеру в армии, однако далее трактовка его жизненных достижений различается: по мнению автора статьи в Дублинском обозрении, «это была наивысшая точка карьеры Браммелла»³¹, и более он уже ничего не достиг, в то время как, исходя из текста статьи в журнале Блэквуда, все самое главное, благодаря чему Браммелл стал известен в истории, только начиналось.

«Известность может ждать кого-то в гекзаметре и пентаметре, может дожидаться других в гребле и крикете, в случае Браммелла цвет фрака и покрой жилета были предметом его славы»³², и действительно, платье Браммелла было темой отдельного разговора. Браммелл «шел впереди своего времени: он изобрел костюм, к которому еще не сделано ни одно современное улучшение»³³ – более того, как можно утверждать сейчас, Браммелл определил каноны мужского классического костюма на два века вперед³⁴. Хотя первым словом Браммелла в мире моды был шейный платок – и об этом тоже сказано в статье: «шейные платки, которые были в моде в то время, за день ношения скатывались в неопрятный валик у подбородка. <...> Браммелл отважно встретил эту катастрофу, и просто слегка подкрахмалил слишком мягкий материал»³⁵. Однако этот прием держался втайне, и только перед отъездом во Францию он оставил друзьям записку с одним только словом: «Крахмаля!»³⁶. В контексте повествования о неопрятных шейных платках автор упомянул в очень неслучайном ключе о вигах в начале XIX века: «Политика того времени была беспорядочна, и внешний вид политиков соответствовал их принципам. Удача вигов почти иссякла, и бархатные фраки и расшитые жилеты, дорогие пряжки и золотые пуговицы остались в лучших днях. <...> Фокс уже прослыл как неряха – за ним последовала целая фракция. <...> Все они были сбродом, и Фокс был представителем популяции банкротов»³⁷. Автор не преминул также вспомнить карикатуру Дж. Гилрея, на которой изображено, как на первом собрании после смерти Питта представители партии вигов переодевались в чистую одежду и приводили себя в порядок.

Автор статьи в Дублинском обозрении не коснулся вопросов политики вообще, однако достаточно негативно оценил фигуру принца Уэльского, которым Джессе, с его точки зрения, слишком восхищался: принц по утрам часто посещал дом Браммелла, чтобы «наблюдать процесс утреннего туалета своего друга, и оставался часто после <...> и настаивал на том, чтобы Браммелл накормил его обедом, который обычно заканчивал грандиозной попойкой»³⁸, соответственно принц никак не мог быть серьезным государственным деятелем, имея такие низменные интересы. Да и как было уже сказано выше, сама эпоха в глазах автора статьи выглядела не самым лучшим образом: «Дурная известность Браммелла, которую некоторые называют славой, представляет собой

достаточный показатель состояния английской морали в высших кругах общества в его дни. Мы можем печалиться, что в истории нашей страны был период, когда умение завязать галстук и пошить фрак создавало такую же славу их носителю, какой наслаждались военные и государственные деятели, поэты и философы³⁹. Совершенно неожиданно в Дублинском обозрении Браммелл безапелляционно назван «последним настоящим денди» (а вовсе не первым, как считал Джессе, и каким он известен в истории), и второго Браммелла в истории быть не может, поскольку «испорченное состояние общественной морали в Англии к концу правления Георга III и влияние, которое Регент оказывал на светское общество, которые создали возможности для такого человека, как Браммелл, никогда не повторятся снова»⁴⁰. Пояснения самого Джессе относительно применимости к Браммеллу слова «денди» названы автором статьи «неуместными и глупыми».

Ни слова автор статьи не говорит ни об исключительном изяществе и стиле Браммелла, хотя в журнале Блэквуда этому уделяется довольно большое внимание, так же как и многочисленным анекдотам, ходившим вокруг его персоны. Два из них повторяются в обеих статьях: первый – это рассказ о том, как герцог Бедфорд приехал показать Браммеллу свой новый фрак и в ответ услышал: «Мой дорогой Бедфорд, Вы это называете фракком?», причем герцог на это не обиделся, а беспрекословно уехал домой переодеваться. Второй касается приезда в Лондон старшего брата Браммелла, Уильяма: у Браммелла в клубе спросили, собирается ли он представить своего брата в обществе. «Непременно, – ответил Браммелл, – через день или два. Я посоветовал ему не появляться на улице, пока не прибудет его новое платье». В Дублинском обозрении эти два эпизода расценивались как проявление крайней наглости и невоспитанности, в журнале Блэквуда – как свидетельство его особенного положения в обществе и исключительного умения шутить достаточно злые шутки, никого при этом не обижая всерьез. «Браммелл хотя и не находился под покровительством премьер-министра, обладал необыкновенной властью над судьбами»⁴¹, и в доказательство автор статьи приводит пример диалога одной герцогини со своей дочерью на балу в Олмаксе: «Постарайся понравиться мистеру Браммеллу, от этого зависит твое положение в обществе».

Конечно, иногда и Браммелл несколько переигрывал, в подтверждение автор привел следующий эпизод: «Однажды в доме знатного человека Браммелл попросил хозяина о коротком разговоре в библиотеке и сообщил вызывающим опасения тоном, что «он должен немедленно покинуть этот дом – сегодня же. – Почему, Вы же собирались остаться на месяц? – сказал гостеприимный хозяин. – Говорю правду – я должен уехать, поскольку я влюбился в вашу графиню. – Ну, мой дорогой сэр, я не могу помочь. Я влюбился в нее

сам двадцать лет назад, – сказал добродушный муж. – Но влюблена ли она в вас? Красавчик потупил взгляд, и со скромностью, граничащей с нахальством, едва промолвил: – Я верю, что да. – О! это меняет дело. Я прикажу подать экипаж. Доброго утра Вам!»⁴². Этот разговор, с точки зрения автора статьи, лучше всего характеризовал отношения Браммелла с женщинами – «его жизнь была флиртом, материей, к которой не может быть снисхождения в браке, и поэтому он никогда не был женат»⁴³. Если учесть, что в журнале Блэквуда часто поднимались вопросы брака, и издание не то что бы позиционировало себя как журнал для холостяков, но частенько обыгрывало эту тему, неудивительно, что вопрос семейной жизни Браммелла был затронут в этой статье⁴⁴. В Дублинском обозрении тема личной жизни Браммелла не затронута вовсе.

Безусловное «правление» Браммелла в мире моды продолжалось примерно до 1813 г., когда произошла его ссора с принцем. Автор статьи в Дублинском обозрении приводит слова принца после ссоры, что его бывший друг «никто иной как болван для удобства работы портного»⁴⁵, кем, по мнению автора статьи, Браммелл на самом деле и являлся. После неудачи следовали за неудачами, и в 1816 г. Браммелл бежал во Францию от кредиторов.

«Маленькая рыбацкая деревушка», – порт Кале стал его домом на 14 лет, и великосветскому денди с отточенными манерами было довольно сложно адаптироваться к провинциальным нравам и обществу. Однако его «особое чувство юмора» не покинуло его и в добровольном изгнании: на вопрос одного из проезжавших мимо друзей: «И каково жить в таком месте?», он ответил: «О, разве это не общепринятое мнение, что настоящий джентльмен должен приятно проводить время между Лондоном и Парижем?»⁴⁶

В обеих статьях довольно много внимания уделяется визиту Георга IV в Кале в 1821 г. по пути в Ганновер. Георг и Браммелл не встретились, и если в Дублинском обозрении этот эпизод служит дополнительным примером человеческой гордыни и неблагодарности, то в журнале Блэквуда это повод сыграть на эмоциях читателей: и эпизод, когда король, случайно увидев Браммелла в толпе, не сдержался и воскликнул: «Святые небеса, Браммелл!», и рассказ о том, как английский консул занял у Браммелла немного нюхательного табака для короля, и Георг, отведав его, воскликнул: «Где вы взяли этот табак? Только один человек в мире может изготовить такую смесь!», и то, как на следующий день король сказал капитану яхты, на которой он отплывал: «Я покидаю Кале, так и не увидевшись с Браммеллом», и также описание браммелловского зонтика, с которым его часто видели на улицах Кана: «у него в руках часто видели коричневый шелковый зонт, который обычно был в шелковом чехле – с рукояткой из слоновой кости в виде головы Георга»⁴⁷. Естественно, жизнь

Браммелла во Франции не сводилась только к эмоциональным переживаниям по поводу ушедших дней, денег у него почти не было, и если сначала он жил на пожертвования друзей, то со временем этот источник дохода практически иссяк. После смерти Георга IV в 1830 г. Браммелл получил назначение на пост консула в Кане, «луч солнца, который засиял на его пути»⁴⁸ – возможность все-таки послужить на благо отечества, с точки зрения Дублинского обозрения, но и этот «луч» быстро исчез. Доход эта должность приносила небольшой, и основная часть шла на уплату уже новых, французских долгов, а через какое-то время была и вовсе упразднена.

Последние годы жизни Браммелла были омрачены бедностью, долговой тюрьмой и сумасшествием. Оба автора воздерживаются от подробного описания его бедствий (чего, однако, не стал делать Джессе в своей книге), и оба они подводят определенную черту, оценивают Браммелла: «письма, написанные им на закате жизни, отражали окружающую действительность и страдания гораздо сильнее <...>, мода и его собственные глупости скрывали незаурядный ум и настоящую нежность»⁴⁹. Удивительно, что достаточно агрессивное по настроению изложение жизни Браммелла в Дублинском обозрении заканчивается очень спокойным и умиротворяющим описанием приюта для умалишенных: розы в прохладном саду, большой камин, сестры милосердия и набожные дамы «которые избегали его, как чуму, когда он был в свете, сейчас заботились о нем с поистине сестринскими чувствами»⁵⁰.

Заключительные параграфы обеих рецензий содержат в себе мнение авторов о самом сочинении капитана Джессе. Журнал Блэквуда оценил работу определенно положительно: «книга исключительно легко читается, анекдоты пересказаны прекрасно, стиль изложения живой»⁵¹, точка зрения Дублинского обозрения была совершенно иной: «сожалею, что не можем восхвалить предмет или манеру написания книги. Количество глупых писем и еще более глупых стихов, которые вполне можно было бы опустить, были включены с очевидной целью раздуть сочинение до двух томов. <...> Видимо, Браммелл хорошо знал этого человека, когда сказал ему: “Мой дорогой Джессе, простите меня, но вы очень похожи на сороку”»⁵². Такие выводы в принципе достаточно предсказуемы по выбранному материалу и стилю его подачи в рецензиях.

В последнее время имя Дж. Браммелла часто связывают с понятием «знаменитость» – сам Браммелл знал это слово и употреблял его в значении почти современного⁵³, кроме того, он сам и его жизнь были предметом интереса многих людей в Лондоне, его шутки люди пересказывали друг другу, одежду копировали, а его мнение ценили подчас больше мнения принца (особенно в вопросах светской жизни и моды). Книга Джессе разбудила воспоминания – тридцать лет не настолько боль-

шой срок, чтобы память о человеке, занимавшем ума и сердца многих его современников, успела рассеяться. Этим также и объясняется то, что появилась посвященная ему статья в Дублинском обозрении – молодые католики ни в коем случае не должны были составить себе представление о Браммелле как о легенде, а иметь в виду, что это был всего только бездельник, который впоследствии получил по заслугам. Но легендарный ореол вокруг Браммелла существовал почти с самого начала его светской лондонской жизни. Таким образом, представляется, что книга Джессе для большей части читающих англичан выглядела так, как представлял ее в своем обозрении журнал Блэквуда: «Во всех событиях Джессе дает нам детали жизни и характера того человека, о котором каждый из нас что-то слышал и каждый хотел узнать побольше»⁵⁴.

Примечания

- 1 См.: *Romantic Periodicals and Print Culture* / Ed. by K. Wheatley. L.: Frank Cass, 2003. P. 7.
- 2 Впервые этот термин употребил Дж. Г. Байрон, имея в виду Византийскую «Нижнюю» империю.
- 3 См.: *Shoenfield M. British Periodicals and Romantic Identity. The “Literary Lower Empire”*. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2009. P. 1.
- 4 См.: *Romantic Periodicals and Print Culture*. P. 8.
- 5 *Д’Оревильи Б.* О дендизме и Джордже Браммелле. М.: Независимая газета, 2000. С. 67.
- 6 *Jesse W. The Life of George Brummell, Esq.*: In 2 Vol. L.: Saunders and Otley, 1844.
- 7 *Beau Brummell* // *Blackwood’s Edinburgh Magazine*. 1844. Vol. 55, № 344. P. 769–784.
- 8 *Life of George Brummell, Esq. By Captain Jesse*. London: 1844 // *The Dublin Review*. 1844. Vol. 17. P. 92–105.
- 9 *Finkelmann D. The Rise and Fall of the House of Blackwood’s Magazine* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.qmu.ac.uk/mcs/mcc/Blackwoods/blackhist.html> (дата обращения: 14.10.2010).
- 10 Ibid.
- 11 См.: *По Э.А.* Без дыхания. Как написать рассказ для «Блэквуда». СПб.: Кристалл, 1999.
- 12 *The Wellesley Index to Victorian Periodicals. 1824–1900*. Vol. II. Toronto: University of Toronto Press, 1972. P. 9.
- 13 Кроме того, Вайсмен весьма возможно желал избежать путаницы с Католическим журналом.
- 14 *The Wellesley Index to Victorian Periodicals*. P. 16.
- 15 *Life of George Brummell*. P. 93.
- 16 *Beau Brummell*. P. 76.
- 17 В статье в журнале Блэквуда также можно увидеть противопоставление эпох: «Все изменяется, и если наш век – это век масс и классов, то прошлая эпоха – это эпоха индивидуальностей. Полдюжины примечательных людей представляли лондонский мир», и Браммелл определенно входил в эти полдюжины (*Beau Brummell*. P. 769).
- 18 Ibid. P. 775.

- ¹⁹ Beau Brummell. P. 784.
²⁰ Ibid. P. 775.
²¹ Life of George Brummell. P. 94.
²² Ibid. P. 104.
²³ Ibid. P. 103.
²⁴ Ibid. P. 94.
²⁵ В статьях идет речь о Ньюдигейтской премии, однако эта премия была учреждена сэром Р. Ньюдигейтом только в 1805 году. Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс]. <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/1080843/Newdigate-Prize> (дата обращения 10.11.2010).
²⁶ Life of George Brummell. P. 95.
²⁷ Beau Brummell. P. 775.
²⁸ Life of George Brummell. P. 95.
²⁹ Ibid. P. 95; Beau Brummell. P. 773.
³⁰ Beau Brummell. P. 772.
³¹ Life of George Brummell. P. 95.
³² Beau Brummell. P. 771.
³³ Ibid. P. 773.
³⁴ См.: *Вайнштейн О.Б.* Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: НЛЮ, 2006. С. 58.
³⁵ Beau Brummell. P. 777.
³⁶ *Вайнштейн О.Б.* Указ. соч. С. 59.
³⁷ Beau Brummell. P. 777.
³⁸ Life of George Brummell. P. 97.
³⁹ Ibid. P. 93.
⁴⁰ Ibid. P. 92.
⁴¹ Beau Brummell. P. 773.
⁴² Ibid. P. 778.
⁴³ Ibid. P. 780.
⁴⁴ *Niles L.* May the married be single, and the single happy: Blackwood's, the Maga for the Single Man // *Romantic Periodicals and Print Culture*. P. 101.
⁴⁵ Life of George Brummell. P. 97.
⁴⁶ Beau Brummell. P. 782.
⁴⁷ Ibid. P. 783.
⁴⁸ Life of George Brummell. P. 101.
⁴⁹ Beau Brummell. P. 784.
⁵⁰ Life of George Brummell. P. 103.
⁵¹ Beau Brummell. P. 784.
⁵² Life of George Brummell. P. 105.
⁵³ *Kelly I.* Beau Brummell: The Ultimate Man of Style. L.: Free Press, 2006. P. 1.
⁵⁴ Beau Brummell. P. 784.

УДК 75(410)+008(410)(09)+929

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРЕРАФАЭЛИТОВ

М.А. Чичкова

Саратовский государственный университет
E-mail: raingirl-86@mail.ru

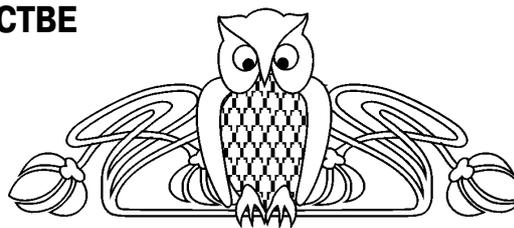
Данная статья посвящена творчеству представителей английского искусства середины XIX в., входивших в так называемое «Братство прерафаэлитов». Особое внимание уделяется их интересу к отображению острых социальных реалий, характерных для викторианского общества того времени. Путем анализа картин прерафаэлитов рассматриваются затронутые ими проблемы трудовой эмиграции, проституции, незаконнорожденных детей, положения женщины и т.д. Данный интерес объясняется тем, какое гипертрофированное значение в викторианском обществе, протестантскому в основной своей массе, придавалось морали и труду.

Ключевые слова: прерафаэлитизм, академизм, викторианство, викторианская мораль, Возрождение, протестантская трудовая этика, назарейцы, «голодные сороковые».

The Problems of the Contemporaneity the Creativity of the Pre-Raphaelites

М.А. Chichkova

The article is devoted to creativity of the Pre-Raphaelite Brotherhood who represented the English art of the middle of the XIX century. Particular attention is paid to their interest in the representation of acute social realities of the Victorian society at that time. The problems of labor emigration, prostitution, illegitimate children, position of women and so on are considered by an analysis of the Pre-Raphaelite paint-

ings. This interest is explained by a hypertrophied significance of the morals and work in the Victorian society that was Protestant in its basic mass.

Key words: Pre-Raphaelitism, academic art, Victorian era, Victorian morality, Renaissance, Protestant work ethic, Nazarenes, Hungry Forties.

Движение прерафаэлитов стало одним из самых ярких явлений в культурной жизни Англии XIX века. Его изучение началось практически со времени его возникновения. Свой вклад в это внес современник и в определенном смысле наставник прерафаэлитов Д. Рескин¹, а позднее и сами представители этого движения². На рубеже XIX и XX вв. прерафаэлиты привлекали внимание русских исследователей³. Потом наступило время полузабвения. Заметным явлением в изучении этого культурно-исторического явления стало появление монографии Некрасовой, в которой прерафаэлитизм рассматривался в контексте развития романтической традиции⁴. В последние десятилетия прошлого века прерафаэлиты вновь заинтересовали исследователей⁵.

Становление этого движения берет свое начало в деятельности молодых студентов Ко-